

Отзыв официального оппонента
о диссертации И.А.Меркуловой
«Лексическая нуклеология славянских языков»,
представленной на соискание ученой степени
доктора филологических наук по специальности 10.02.20
«сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное
языкознание»

Диссертация И.А.Меркуловой посвящена лексической типологии славянских языков - дисциплине, которая до сих пор ни в отечественной, ни в мировой славистике не получила систематической разработки и в своих результатах значительно уступает (как в теоретическом, так и в практическом отношении) другим ветвям типологии (фонологии, словообразованию, морфологии, синтаксису). Это отставание связано прежде всего с самим объектом типологического сопоставления: лексика по сравнению с другими уровнями языка и в количественном, и в системном отношении представляет собой более объемный и менее структурированный уровень, требующий специальных подходов и методов в сравнительно-исторических и типологических исследованиях. Кроме того, лексика менее устойчива, чем фонологические и грамматические единицы языка, она легче заимствуется или калькируется, что затемняет или искажает реальное соотношение исследуемых языков не только при определении их генетической близости, но и (хотя и в меньшей мере) - типологической. Тем не менее и в области лексической типологии в отечественной и зарубежной славистике известны удачные попытки типологических разработок, и имеющиеся опыты такого рода внимательно и подробно рассмотрены и оценены в диссертации (работы С.А. Старостина, Н.И. Толстого, Л.М. Васильева, А.Е. Супруна, А. Вежбицкой, А.В. Дыбо, А.Ф. Журавлева, Е.В. Рахилиной и др.). Все они, однако, ограничивались какими-то частными сегментами словаря (тематическими группами, лексико-семантическими полями, микрополями и т.п.) или отдельными аспектами сопоставления (например, установлением генетического родства), тогда как в диссертации И.А.Меркуловой впервые поставлена задача построения целостной лексической типологии всех славянских языков, и это прежде всего определяет ее новизну и актуальность. Второй отличительной чертой этой работы является примененный в ней квантитативный метод сравнения, вообще известный в типологии, в том числе и лексической, но впервые примененный к сопоставлению целых лексиконов большого числа близкородственных славянских языков. Третьей важной особенностью исследования И.А. Меркуловой является лежащее в его основе понятие лексического ядра языка или нескольких вкладывающихся друг в друга лексических ядер разного объема, выделяемых одновременно по количественному признаку длины слова и по ряду структурно значимых параметров. Благодаря этому, диссертация имеет не только практическую ценность, поскольку она дает представление о совокупном лексическом

пространстве славянских языков и месте в нем каждого языка, но и теоретическую и методическую ценность, поскольку она предлагает способ соотнесения формальных количественных показателей и существенных системных характеристик лексики.

Должна признаться, что лично мне не очень нравится термин *лексическая нуклеология*, но это вопрос вкуса, а по существу выделение лексических ядер словаря мне кажется полезным и не только по практическим соображениям, связанным с необходимостью ограничения объема сравниваемых единиц, но и по содержательным соображениям, ибо оно позволяет оценить один из важных показателей структурной организации лексикона (его концентрическую структуру) и может служить основой сопоставления лексиконов разных языков. При этом ядро выделяется сразу по нескольким параметрам, что усиливает его эвристическую роль и выгодно отличает его от таких устоявшихся в лексикологии по сути дела интуитивных понятий, как основной словарный фонд или базовая лексика языка. Это направление в изучении лексической типологии формальными (статистическими) методами активно развивается на кафедре теоретической и прикладной лингвистики Воронежского университета, где в последние годы написаны и защищены диссертации по лексической типологии германских языков (О.М. Воеводская), по параметрическим методам исследования лексической системы французского языка (О.В. Богданова), опубликованы монографии и статьи по теории и практике типологического сопоставления разных языков на базе лексики (А.А. Кретов, В.Т.Титов и др.). Таким образом, И.А. Меркулова как представительница воронежской типологической школы развивает в своей диссертации подходы и методы, разрабатываемые этой школой.

Диссертация И.А. Меркуловой во всех отношениях может служить образцом исключительно последовательного, тщательно выполненного и четко оформленного лингвистического исследования, в ней все продумано, взвешено, последовательно изложено, предусмотрены возможные вопросы и сомнения, учтены все достойные внимания ранее высказанные точки зрения и практические разработки, сделаны нужные акценты, несколько раз в разном ракурсе разъяснены исходные понятия и термины, даны наглядные иллюстрации в виде таблиц и графиков; в приложениях приведен весь эмпирический материал. Вынесенные на обсуждение положения постоянно остаются в сфере внимания автора и последовательно разбираются и комментируются на конкретном материале разных языков. Излишне говорить о том, какой высокой лингвистической квалификации и какого огромного труда потребовала эта работа: не только практического владения материалом четырнадцати языков, но и знакомства с основной научной литературой по всем славянским языкам и их истории, с сопоставительными исследованиями по славянской лексике, с лексикографическими источниками и лексикологическими трудами по каждому языку (старыми и новыми), с национальными корпусами этих языков и т.д., наконец, с методами лингвистической статистики и результатами их применения.

Достаточно сказать, что библиография к диссертации насчитывает около 450 позиций, а список использованных словарей - 58 названий.

Я не буду специально останавливаться на статистическом аппарате исследования (способе подсчетов, применяемых поправках, вводимых коэффициентах, оценках близости и т.п.) не только потому, что не являюсь специалистом в этой области и доверяю в этом отношении автору и тем авторитетам, на которые автор ориентируется, но и потому, что даже при самом строгом соблюдении количественных методик, собственно лингвистический результат при их применении определяется исходным языковым материалом, его репрезентативностью и интерпретацией. Отбор сопоставимого лексического материала для четырнадцати славянских языков - вопрос непростой и сопряженный с проблемой существенных различий как в лексикографической (словарной) репрезентации разных языков, так и различий в характере самих представленных в словарях языковых идиомов. Если в количественном отношении материал разных языков можно как-то «уравновесить», выбрав сопоставимые по объему двуязычные или однотоменные словари, то различия словарей в способе лексикографической разработки (толкований, выделения разных значений, представления омонимии, разработки фразеологии и т.п.) преодолеть труднее, и эти различия неизбежно скажутся на количественном результате. Кроме того, речь идет о типологии славянских литературных языков, которые весьма различны: одни из них имеют давнюю и строгую кодификацию, другие (как кашубский или лужицкие) в этом отношении носят существенно иной характер; русский литературный язык в значительной степени ориентирован на церковнославянский лексикон, тогда как сербский - на народную (диалектную) основу; польский литературный язык отражает сильное влияние чешского языка, украинский - польского языка и т.д., и все это сказывается на индексах близости языков друг к другу (усиливая генетические индексы близости или затемняя их). Несмотря на все эти трудности и неизбежную относительность полученных количественных показателей, главный результат проведенного исследования состоит в установлении формальных (цифровых) показателей лексической близости разных славянских языков друг с другом и в обнаружении корреляций между этими цифровыми данными и известными по другим источникам (внешним и внутренним) «содержательными» показателями генетических и исторических отношений между славянскими языками (их генетической классификацией).

Хотя в диссертации обстоятельно и подробно (сначала во вводной части, а затем в конкретных разделах по языкам и при их общем сравнении) объясняется каждый параметр, по которому вычисляются и оцениваются частные лексические ядра, дальнейшее обсуждение этих четырех параметров и их лингвистической значимости мне кажется полезным, если иметь в виду возможное и желательное продолжение типологических исследований подобного рода.

Начнем с первого из четырех параметров, называемого функциональным. Во-первых, не очень понятно, почему он так называется, о

каких именно функциях идет речь. Во-вторых, если этот параметр «косвенно оценивается по длине слова», исходя из того, что употребительность слова коррелирует с его длиной, то почему нельзя «функциональность» слова оценивать не по косвенному признаку его длины, а по его позиции в частотном словаре, т.е. просто воспользоваться частотным словарем? Ведь и среди коротких слов немало новых заимствований или иных периферийных лексем, в каких-то стилях довольно употребительных в настоящее время, и при этом вряд ли входящих в ядро того или иного языка. Длина слова в словаре представляется более случайным параметром, чем остальные. Она зависит в определенной степени и от графической системы языка, ср. сербские написания йотированных согласных в виде лигатур *љ*, *њ* и их этимологические корреляты в словенском в виде диграфов *lj*, *nj*, в связи с чем этимологически родственные слова оцениваются по этому признаку по-разному. Она зависит и от морфологического оформления родственных слов: такие факты, как болг. *мишка* и укр. *миша* в значении 'мышь' при трехбуквенном виде этого слова в остальных языках или укр. *пити* или серб. *пити* в значении 'пить' при трехбуквенном виде этого глагола в других языках, влияют на группировку славянских языков по этому параметру. Поэтому вывод об условном делении славянских языков по «функциональному» параметру на северные и южные при слишком незначительном различии среднего размера слова (первые - более 8 букв, вторые - более 7 букв) представляется излишне категоричным, а соответствующий комментарий на с. 216: «Примечательно, что распределение славянских языков по функциональному параметру в наибольшей степени совпадает с их генетической классификацией» - слишком прямолинейным.

Второй параметр, «синтагматический», оценивающий сочетаемость слова с другими словами, в большей степени соотносится со структурными характеристиками лексикона. Но и здесь приходится исходить из в какой-то мере косвенного (или во всяком случае частичного) показателя - числа устойчивых сочетаний со словом, приводимых в словарной статье. Однако, во-первых, разные словари в разной степени учитывают фразеологию, во-вторых, фразеологический потенциал слова вряд ли зависит от его длины.

Третий параметр («парадигматический») оценивает вхождение слова в синонимические ряды. В этом случае возникают два вопроса: во-первых, почему из разных парадигматических параметров (синонимия, антонимия, гипонимия, аналогия и др.) выбрана именно и только синонимия, во-вторых, показатель числа синонимов будет для всех членов синонимического ряда одинаков, независимо от того, относится ли слово к «ядерному» кругу или периферийному. Можно согласиться с тем, что «полученные данные о наиболее многочисленных синонимических рядах дают нам возможность выявить наиболее важные понятия в языковой картине мира славян и их аксиосфере» (с 244). Но распределение языков по наиболее многочисленному синонимическому ряду (например, синонимический ряд слов со значением 'есть' объединяет 12 языков, со значением 'умереть' - 9 языков и т.д.)

слишком сильно зависит от объема и характера источников и вряд ли дает основание для столь общих концептуальных и аксиологических заключений.

Наконец, четвертый параметр, «эпидигматический», оценивающий многозначность слова (число указываемых в словаре значений слова), казалось бы, в еще большей степени отражает «внутренние» черты лексической системы. Но и в этом случае играют роль субъективные установки авторов словарей и характер лексикографической традиции, предписывающий ту или иную схему семантической характеристики слова (например, в одном словаре значения многозначного слова даны в простом перечислении, в другом они иерархически упорядочены, с выделением подзначений, оттенков значений; в одном словаре разные значения относятся к сфере многозначности, в другом трактуются как омонимичные и т.д.).

И тем не менее, при всей ограниченности или недостаточности выбранных параметров, они в своей совокупности дают в определенном приближении некую картину соотношения славянских языков в лексическом плане. И это позволяет автору сопоставить полученные типологические показатели с показателями географическими (ареальными) и историческими (генетическими), а также в ряде случаев предложить этнокультурный (этнолингвистический) комментарий к количественным характеристикам.

В третьей главе диссертации количественные данные, полученные по каждому из четырех параметров для каждого славянского языка в отдельности (чему посвящена вторая глава), обобщаются для всех славянских языков с целью определения степени близости славянских языков друг с другом - сначала по каждому параметру отдельно, а затем по совокупным показателям («нуклеарная лексическая макротипология»); определяются универсалии, уникалии, эксклюземы, а также лексико-семантические доминанты и предлагается на их основе стратификация славянских языков по коэффициенту типологической близости. И здесь становится очевидным, что в сущности языки сопоставляются не на собственно лексическом основании (как в случае генетической классификации языков при определении степени языкового родства), а на семантическом основании, т.е. лексические ядра сравниваются не по формальному составу слов, а по значениям этих слов, т.е. по их денотатам или соответствующим «концептам». Ср. «Наибольшую синтагматическую активность в славянских языках имеют слова со значением частей тела человека (рука, голова, глаз, нос), времени и его отрезков (время, год, день, час), а также глаголы бытия, обладания, движения, трудовой деятельности и речи. Среди признаков слов представлены обозначения цвета и размера» (с. 225). При этом многие из этих концептов обозначаются в славянских языках этимологически разными словами. В этом «смещении» объекта (от лексики к семантике) нет ничего удивительного, поскольку основой сравнения в типологии (в отличие от генеалогического сравнения, опирающегося на материально совпадающие элементы словаря - слова, морфемы), может быть только внеязыковая сущность - денотативная область,

на которую язык накладывает свою сеть лексем (даже в случае близкородственных языков).

Именно эта лексико-семантическая (а не собственно лексическая) природа сравниваемых единиц позволила автору в дальнейшем разделить славянские языки на основе лексико-семантических доминант на условные типы - «языки движения» (укр., пол., в.-луж., каш.), «языки дела» (словен., чеш.), «языки удара» (бел., н.-луж.), «языки порядка» (болг., серб.) и т.д. (с. 273), а также комментировать результаты сравнения разных славянских языков с точки зрения лингвистической аксиологии и языковой картины мира. Предлагаемые в диссертации группировки и комментарии такого рода интересны, но иногда кажутся слишком прямолинейными, например: «К собственно славянской специфике можно отнести нетерпимость к обману - свидетельство искренности, прямоты и правдивости славян, и выпивке, которую скорее можно трактовать как важную составляющую славянской обрядовости» (с. 247).

На с. 293 автор справедливо заключает: «Смысл нашего исследования в том, чтобы показать, что типологическая классификация родственных языков не обязана воспроизводить их генетическую классификацию». Тем не менее по многим параметрам определенная корреляция типологических и генетических показателей степени близости славянских языков друг к другу в работе отмечается и справедливо признается важным результатом. С этим нельзя не согласиться, хотя необходимо отдавать себе отчет и в том, что этот вопрос требует дальнейшего углубленного изучения, тем более, что и многие аспекты славянского глоттогенеза и генетических отношений между славянскими языками в свою очередь продолжают оставаться дискуссионными.

В отзыве невозможно обсудить все важные теоретические и практические вопросы, затронутые в исследовании И.А. Меркуловой, многое остается для дальнейших дискуссий и апробации в новых опытах типологического анализа лексики. Мне остается заключить, что диссертация И.А. Меркуловой по своему глубокому содержанию, объему обработанного материала, строгости анализа и полученным результатам удовлетворяет всем требованиям, предъявляемым к докторским диссертациям, а ее автор, безусловно, заслуживает присуждения ему искомой ученой степени по специальности 10.02.20. «сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание». Публикации по теме диссертации в полной мере отражают ее содержание.

Доктор филологических наук
зав. отделом этнолингвистики и фольклора
Института славяноведения РАН
проф. С.М. Толстая

17 апреля 2018 г.

